

Поэзия

Марина Саввиных

Марина Саввиных (Наумова Марина Олеговна) – родилась в Красноярске в 1956 году. В 1978 году окончила с отличием факультет русского языка и литературы Красноярского педагогического института (университет им. В. П. Астафьева). Начиная с 1973 года стихи, проза, публицистика печатались в краевой периодике, а позднее – в журналах и альманахах «Юность», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Москва», «Дети Ра», «Крещатик» и многих других российских и зарубежных изданиях. Несколько стихотворений переведены на польский, французский, испанский, осетинский языки. Музыкальные произведения на стихи М. Саввиных создали известные российские композиторы, в том числе О. Проститов, Э. Маркаиш, В. Пономарёв и другие. Издано более десятка книг стихов, прозы и публицистики. Лауреат Фонда Астафьева (1994), газеты «Поэтоград» (2010) и журнала «Дети Ра» (2011). Обладатель Красноярского краевого Губернаторского гранта за заслуги в области культуры (2008), ордена Достоевского I степени, главного приза Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» и других наград за литературную и общественную деятельность. Автор проекта и первый директор Красноярского литературного лицея (1998–2012). С 2007 по 2019 год – главный редактор журнала «День и ночь». Председатель издательского совета Редакционно-издательского центра «День и ночь». Заслуженный работник культуры Красноярского края. Член Союза писателей России.

Дневник судного дня

* * *

Это война. Я иду по дороге войны.
Нервы мои оглушительно оголены.
Скрип, или стон, или ветер ворвался в трубу?
Пленных не брать – ведь не я начинала пальбу.
Хочешь – поверь, а не хочешь – пойдй и проверь:
По околотку свирепый бесчинствует зверь,
Всюду ворует младенцев и душит старух,
Чтобы в народе огонь совокупный потух...
Чтобы от страха кто выдохся, кто озверел –
Неумолимо идёт планомерный отстрел.
Снайперы ада зрчками вращают в толпе,
Рано ли, поздно ли – сталь полоснёт по тебе,
Вырвет из сердца и друга, и сына, и мать...
Мир – под прицелом! И нечего тут понимать!
Нечего ждать благосклонности дальних небес –
Здесь и сейчас обнаглевший орудует бес,
Не прикрываясь, в победные трубы трубя...
Силы небесные действуют – через тебя!
Встань! Отшвырни от ворот ядовитую тварь!
Зверь размножается: вспомни – и первым ударь!
Кончились сроки витийствовать и умолять.
Я выхожу на дорогу. И. Буду. Стрелять.

8.08.2014 г.

* * *

Вопреки бестолково летящим снарядам
Из окопов моих по твоей стороне –
Не стреляй! Удержись – удержи меня рядом:
Я обидой больна. Пламя боли во мне.
Сухостой корневою охвачен тоскою –
Треск ветвей, на смертельном горящих ветру,
Разве пулей твоей ураган успокою?
Разве пепел в живую листву соберу?
Научилась – костром – предаваться беде я –
Расточая огонь... разливаясь огнём...
Так, больная отчаяньем, билась Медея
В пожирающем ближних безумье своём...
Мир пропитан одним истребительным ядом.
Я – в прицеле твоём. Только кнопку нажать...
Жизнь моя, удержись! – удержи меня рядом,
Чтобы силы нашла я тебя удержать...

* * *

Что, небрат, не спасись от тоски?
Обнимать – так, поди, покалечим...
Всё простим: и долги, и плевки.
Лишь тоску твою вылечить нечем.
От неё в предрассветную рань

Лечат разве что райские звуки –
 Жаль, целебные слёзы разлуки
 Свеял ветер за Тьмутаракань,
 А другого найти не берусь
 Над постигшим отчизну разломом...
 Вот и песня моя – за шеломом,
 Как за станом родительским – Русь...

* * *

Это мой крест. Это мой крест.
 Это твой вопль из чужих мест.
 Это буй тур. Это дик вепрь.
 Рвётся злой див за большой Днепр.
 Встань же, встань, князь!
 Оглядишь – вновь:
 В ключья мир, связь...
 Только – кровь, кровь...
 Только – боль, крик
 У святых врат...
 Только срыв, сдвиг...
 Оглянись, брат!
 Это, брат, долг?
 Это – свет, честь?
 Каинов – полк.
 Каинова – месть.

* * *

...опыт, сын ошибок трудных...

Пушкин

Враг – очевиден... нет нужды озираться...
 Опыт делает дело – дух инстинктивно вещ...
 Бог разделился на книжку в походном ранце –
 И на любую – дольного мира – вещь.
 Рвётся – оно, конечно – именно там, где тонко.
 Чтобы чутьё не сбилось – кажется, всё отдашь.
 И лишь когда Иса говорит «сестрёнка»,
 Веришь, что Бог – один и Он, безусловно, – наш!

* * *

У этих мальчиков – свастика вместо глаз.
 Их изготовили, чтобы стреляли в нас.
 Чувствуешь?
 Встроена в каждый твой божий день
 Оптика смерти. Ты для неё мишень.
 Не поддалась камланию пустоты –
 Значит, теперь у неё на прицеле ты.
 Не отдаёшь своё и не юлишь, как шланг, –
 Жди нападения или иди ва-банк.
 Значит, настал момент и пришла пора,
 Может, пера... а может, и топора...

* * *

Может быть, это воздух последних высот
 Или почва последних утрат?
 Электрический вопль обесточенных сот,
 Извержение взорванных врат?
 Может, это деревьев незрячий поход –
 Вверх тормашками – ключьями риз?
 Или небо во весь окровавленный рот
 Изрыгает проклятия вниз?
 Или память смертей отзывается впрок
 Обезумевшим отпрыскам лжи?
 Или – только ступи за отцовский порог,
 Только Зверю лицо покажи!
 Провода над дорогою крутит и рвёт –
 – Будь готов – это время придёт! –
 Чёрный ветер апреля... семнадцатый год.
 Чёрный ветер. Семнадцатый год.

2.04.2017 г.

АНГЕЛЫ ТРУБЯТ

Мы – небесный спецназ,
 Не подверженный здешним заразам.
 Свет течёт через нас,
 Будоража ваш дремлющий разум.
 Сера ваших плевков
 Не касается наших доспехов.
 Мусор ваших оков –
 Вождлений, тщеславий, успехов,
 Невозвратных долгов,
 Новостей и безумных баталий –
 Глина адских кругов
 Осыпается с наших сандалий...
 Ассирийская пыль,
 Генетический код Минотавра,
 Скифский сизый ковыль,
 Серебро лигурийского лавра, –
 Прочь и вдаль... На ветру
 Сохнут лбы и черствеют ладони...
 Молодому добру
 Пригодятся стигийские кони!
 Ливни хлещут навзрыд.
 Том столетия сброшен со шкафа.
 Вспомни Бога, Давид!
 Порази своего Голиафа.
 Мы выходим на вас.
 Ваша древность и вечное детство.
 Да! Небесный спецназ.
 Не отпрянуть и не отсидеться.

* * *

Не бывает напрасным прекрасное...

Ю. М.

Не бывает поэтов ни крупных, ни мелких.
Есть поэты – и прочий трудящийся люд.
Гений теплится даже в дешёвых поделках,
Что с базарных лотков, как горшки, продают.

Не бывало и нету поэзии женской,
У Поэта – ни женской судьбы, ни мужской.
Есть стяжающий истину голос вселенский –
И принявший послание вестник мирской.

Он идёт – как дитя – среди грязи и крови,
То грозя, то рыдая, то тихо смеясь...
И, сухие коросты слезою буровя,
Искалеченных лечит словесная вязь...

Что за дело вам, люди, – он бел или чёрен,
Слово мужа при нём или речи жены,
Если вдох – исцеляет, а выдох – просторен,
Как просторны Вселенной высокие сны?

* * *

В. Ш.

Глазами, побелевшими от злобы,
От ненависти косным языком
Язвил нас дед – за то, что сдали оба
Бандитам и барыгам наш райком.
Мы были комсомольцами, мечтали
Преодолеть пространство и простор.
А – глянь-ка – ниже плитуса упали,
Приветствуя имперский триколор.

Глядеть? Гляжу. Клубится дым багровый
Во все свои пространства-времена.
По всей стране, в мир простираясь новый,
Гражданская не кончилась война.
И снова комиссары в шлемах пыльных
Строптивых отправляют в ВЧК,
И вздёргивают недругов всесильных
На рей офицеры Колчака.

И я, в наряде юности не первой,
За пламенной душою – ни рубля,
Кажусь ему великосветской стервой –
В сопровожденье вице-короля...

Россия! Над твоим пречистым телом –
За триста лет кто не глумился властью?!
Но ты стоишь – как в красном, так и в белом.
И детям не даёшь в трясины пасть.

В простреленном прабабушкином платье,
Познавшая и почести, и плеть,
Приемлешь одинокое распятье –
От тех, кого воспитана жалеть...

Когда-нибудь – насытись ядом трупным –
Прозреет дед – и грянет вешний гром
«Прощанием славянки» – зовом трубным...
И пыль веков осядет за бугром.

* * *

Можно вырвать у колокола язык,
Но пока он колокол, он – звучит.
А имеющий уши – услышит крик.
А имеющий голос – не промолчит.

Немота удушлива, как смола, –
Но ветвятся звуки со всех сторон:
Во вселенной братья-колокола,
Воскрешая свет, возвышают звон.

И всё глубже, громче их властный зык,
В обессиленных превозмогая страх, –
Так, что когти, вырвавшие язык,
Только пыль становятся, только прах...

* * *

Когда умрёт последний русский...

Влад Силецкий

Не в пику тем, кто нагло врёт,
И не в ответ досужим сплетням,
Последний русский не умрёт,
Да и не будет он последним!
Бывали хуже времена –
И тяжелей, и беспросветней,
Но мне родная сторона
Не завещала стать последней!
И не предвидится конца
Небесной и земной отчизне –
Не ради красного словца,
А ради жизни!
Ради жизни...

* * *

У нас и солнце ярое, и снег,
Поля и реки, пастбища и пущи...
Россия – не «Титаник», а ковчег!
И сей ковчег уже на воды спущен.
Куда ж нам плыть? Исполнилась гроза –
Сорвавшимися в бездну временами...
А свет такой – не отвести глаза!
И небеса расколоты над нами.